

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
XXVII НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИНГВИСТИКА

"ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ".

Г. Левинзон (ЛГУ).

1. Проблема литературного влияния, как правило, рассматривается в чисто психологическом аспекте, т.е. как неспособность "незрелого ума" выйти из-под влияния уже существующих образцов (в связи с "подрезательностью" *juveniliae*) или как следствие "сильного впечатления", произведенного неким новым явлением.

2. Литературная диахрония есть процесс. Появление каждого нового текста меняет структуру литературной синхронии, деля произведение на "появившиеся до него" и "после него". Поэтому учет появления новых текстов при создании данного произведения определяется не столько впечатлением, произведенным этим текстом на писателя, сколько его ролью в системе текстов.

3. Корпус текстов одного писателя может рассматриваться как единый текст.¹

4. В связи с этим определением мы предлагаем рассматривать "влияние" ("подражание") как один из видов цитации. Текст, "написанный под влиянием" N₁ — это текст, одним из принципов которого является цитирование N

---

¹ По-видимому, разные типы "корпусов" могут быть выделены по тому, насколько к ним применимо это положение. Ср. такие критерии, как возможность / невозможность понимания одного текста данного корпуса без учета других (ср. Г.А. Гуковский о Денисе Давыдове или Жуковском), включенность / невключенность в корпус "бытовых текстов" ("жизнетворчества"), наличие / отсутствие эволюции (т.е. сюжетность / бессюжетность текста). Можно выделить такие типы текста, в которых при некоей содержательной константе варьируются типы ее реализации (ср. существующее в традиционном литературоведении представление о писателе, занятом "одной проблемой"), или такие, в которых динамика связана со сменой точек зрения (ср. негативные оценки собственных ранних вещей Пастернаком или Гоголем) и т.п.

(где N может быть текстом, направлением и т.п.). Сосредоточенность "подражательных" текстов в начале корпуса с этой точки зрения легко объяснима. В корпусе текстов, как правило, маркировано начало, а не конец (человек не предсказывает свою смерть). Отдельные примеры маркированного конца (Рембо) не меняют этой общей закономерности. Естественно, что в начале текста корпуса распадаются элементы, которые читаются как утверждения об этом тексте ("подражательные" тексты). Наборы цитат (на уровне стандартных ситуаций, тропов, приемов, способов организации текста, мотивов и т.п.) должны определить место данного поэта (вернее, корпуса текстов) в структуре синхронных ему текстов и корпусов.² Смысл таких текстов — "быть романтическими" или "символистскими"; они относятся авторе к некоторому литературному кругу. Возможность дальнейшей "полемики" с этим кругом базируется именно на его первоначальном принятии. Иначе говоря, "влияние" относится не к заимствованиям, а к цитатам:

5. Различение "цитаты" и "заимствования" основано на признаке "функциональность / нефункциональность", на тождественном признаке "сознательность / бессознательность". Учитывая точку зрения С. Боброва, утверждающего "примат произвольных заимствований: только такие суть влияния"³, можно сказать, что при общей сознательной установке на цитирование отдельные реминисценции могут быть бессознательными, оставаясь при этом функциональными (и опознаваемыми).

6. Случаи вторичного влияния ("не в молодости") связаны именно с нашим определением (а): в связи с нововведением синхронная структура А преобразована в структуру В. Так как корпус текстов, в отличие от одного текста, обладает реальной диахронией, он должен реагировать на

² При этом на разных уровнях (например, метрическом и лексическом) эти ориентации, вообще говоря, могут быть различны. Роль цитации на низших уровнях была показана С. Бобровым и К.Ф. Тарановским.

³ С. Б о б р о в. Заимствования и влияния. — "Печать и революция", кн. 8, 1922, ноябрь-декабрь, с. 86.

изменения структуры, в которую он включен. В этой связи, перемена отношения Пушкина к белому стиху Жуковско-го может объясняться не психологически, а из отношений текста к структуре литературы данного времени: в момент написания известной эпиграммы ("Что если это проза, Да и плохая") белый стих еще не стал явлением, видоизменившим эту структуру.

7. К той же категории явлений относится и обилие пародий в начале ряда корпусов текстов (ср.: Тютчев о Достоевском и Гоголе, ранний Чехов). В той или иной форме пародия есть мета-высказывание, утверждение о самом корпусе текстов (о том, чем этот текст не является).

8. Сказанное в первую очередь применимо к "влиянию" внутри одной культуры. Для иноязычных влияний необходимы некоторые уточнения. Во-первых, "подрезание" иноязычному писателю, например, Байрону или Парни, основано не только на включении данной национальной (объединенной языком) культуры в более широкую (европейскую, мировую), в связи с чем "подрезание" Байрону аналогично "подрезанию" своим соотечественникам, но и на представлении о некоторых соответствиях между "моей" и "чужой" культурой, т.е. представлении о том, что определенным явлениям "чужой культуры" соответствуют явления "своей культуры" (так, "подрезание" Парни есть в то же время "подрезание" Батюшкову). Во-вторых, здесь большую роль играют различия языков: явления, существующие в "чужой" культуре, отсутствуют в "своей", ср.: "Ни на кого из русских поэтов, исключая, видимо, раннего Пушкина, Парни не оказал такого влияния, как на Батюшкова, точнее — никто, кроме Батюшкова и раннего Пушкина, не чувствовал такой настоятельной потребности ввести в русскую

поэзию тот круг образов, который был присущ творчеству Парни."⁴ Иноязычную литературу можно рассматривать в этом случае как "пассивный словарь" "своей" культуры.

9. Особую проблему представляет "эпигонство". Возможно, отличительной его чертой является именно отсутствие организации текстов в корпус, а также превращение цитат в заимствования (включение цитат не является средством создания новых смыслов). Для эпигонства, видимо, характерно также стремление затушевать "чужое слово" (как видно из сказанного выше, цитата — в отличие от заимствования — должна быть опознана). Наконец, если вообще "стирание" (канонизация) приема происходит в виде утраты либо денотата, либо коннотата, то для эпигонства характерен как раз первый случай. Заимствованный элемент плана выражения, в силу своего заимствования, начинает прямо соотноситься с коннотатом, коннотат становится денотатом, прямым значением, прием перестает быть приемом.

---

⁴ В.Н. Топооров. "Источник" Бятошкова в связи с "Le Torrent" Парни. — Труды по знаковым системам, IV, Тарту, 1969, с. 309 (подчеркнуто нами — Г.Д.).